

Иван Глемба, Андрей Прохоренко Митрохины университеты

Предисловие

Авторы представляют читателям историю испытания, которое в молодые годы проходил один из казацких батек Митрофан Чередник, записанную для потомков со слов Митрофана Василем Галайдой под конец своей многотрудной жизни.

Повесть «Митрохины университеты» о том, как необходимо было проявить себя в обычной жизни молодому парубку, окрепнуть, сообразить, что к чему и найти себя, столкнувшись с реальной жизнью, и, несмотря ни на что, еще больше убедиться в правоте извечных истин, а вернувшись на Сечь, продолжить обучение искусству гопака. Для этого Митроха после обучения азам казацкой науки в возрасте девятнадцати лет отправляется в мир, в котором ему необходимо далеко за пределами Сечи выполнить задание учителя и названного отца казака-характерника Левка Байзаблуда, о сути которого ему самому необходимо догадаться.

Митроха, столкнувшись с особенностями жизни различных групп населения: и кузнецов, и

шляхтичей, и корчмарей, работая кузнецом, вышибалой в корчме, убеждается в правильности выбранного им пути, обогащает и совершенствует искусство гопака. Пройдя жизненные университеты вдали от Сечи, заработав денег, почувствовав, что пора возвращаться, Митроха, проявив инициативу, приводит на Сечь новых друзей, «собрав» их по белу свету.

Повествуя о детстве и юности Митрохи, рассказывая о казацкой доле, о сметливом и подвижном парубке Митрохе, Василь Галайда приоткрывает мир, который существовал в Украине всего каких-нибудь четыреста лет тому назад, в конце шестнадцатого столетия. С казацким юмором рассказывает Василь о корчмарях, об особенностях жизни шляхты, об отношении к питию горилки некоторых из них и не только об этом.

Встретились семилетний Митроха и его названный отец, казак Левко, в 1584 году в поселении Бередици, которое было даже не поселением, а состояло из нескольких домов, в одном из которых проживала семья Митрохи. Степь да степь кругом. Рядом течет неспешно Славута-Днепр. Тянется невидимая нить казацкой доли, чтобы в один прекрасный момент не оборваться, а явить миру парубка и казака — Митрофана Череду.

Смышленный парубок

Эту историю рассказал мне, Василию Галайде, казацкий батька Митрофан Чередник по прозвищу Черета. Впрочем, прозвищ у Митрофана было много. Успел казак по свету постранствовать и погулять, да так, что было о чем в преклонные годы вспомнить. С Черетой мы были почти одного возраста. Он был младше меня только лишь на семь лет, а когда тебе уже почти девяносто, то какие-то семь лет разницы вообще не сказываются. Может кому-то показаться, а что еще двум дедам делать, как не сидеть где-нибудь в тенечке и байки травить. Оно-то так, но только с одной стороны, с другой — сказки да побасенки сказывать промежду делом — тоже уметь надобно, хыст (талант) к этому делу иметь... Черета такой хыст сполна имел. Долго иной раз я смеялся, его слушая, хоть за свою длинную жизнь твердо усвоил одно простое правило: что бы тебе ни говорили, а воспринимать сказанное надо спокойно и с силой. Только не всегда так получалось, особенно, когда Черета что-то из своей жизни вспоминал.

Это я к чему веду. Что Черета, что я характерниками были, а это, потомки, даже не название такое отличительное, а образ жизни и особый склад ума, разума и сознания. Кто вам

будет рассказывать, что казаки в волков превращались, да еще чем-то подобным занимались, мало что о казацкой науке знает, тем более в ней смыслит. Если у тебя нет острого разума, да смекалки, то все твои потуги — пустой звук даже при наличии учителей, которыми на Сечи выступали казацкие батьки. Не всех они к себе в ученики брали, но такое наше право: видеть, кому, что, как и при каких условиях сказать можно и надобно, а в присутствии кого следует промолчать или сделать вид, что в этих вопросах ты мало что смыслишь. Ведь характерник — во многом актер. За жизнь, хочешь или нет, много ролей приходится играть. Чем длиннее жизнь, тем больше в ней приключений, стало быть, приходится не только казаковать, но и приторговывать, лекарским делом заниматься, многие профессии освоить, плотническое и кузнечное дело.

Жизнь, она такая, хочешь или нет, а наступает время, когда приходится свою гордыню в тряпочку свернуть и за пазуху спрятать или еще куда дальше, или вообще выбросить так, чтобы больше она к тебе не возвращалась...

Так вот, в отличие от меня Черета, его тогда Зайдой звали, не был сыном казака. Родители его селянами были. Их сын с малых лет к тяжелой работе привыкал. Вряд ли Митрофан даже казаком

стал бы, не говоря уже о том, чтобы характерником быть, если бы не случай один.

Было хлопцу семь лет, когда через местечко, где он с родителями проживал, казацкий отряд проходил. А в том отряде казак такой был — Левком кликали, а прозвище у Левка было — Байзаблуд. Его все за глаза Байзой так и называли. Этот Байза Митрофана и заприметил. Глаз у Левка был наметанный. Он сразу же сообразил, кто перед ним. Митроха, так его кратко родители называли, ничем таким особенным среди детей не отличался, разве что иногда ни с того ни с сего на месте застывал и мог на небо смотреть или куда-то вдаль на Славугу очень долго глядеть, пока его не заставляли за таким занятием и не прерывали.

Был Митроха четвертым ребенком в семье, рос хлопцем веселым и жизнерадостным, но иногда как будто что-то находило на Митроху, тогда он становился смутным и печальным, все делал медленно, как будто не здесь находился, а где-то далеко. Странность эта, впрочем, быстро проходила, а Митроха вновь становился подвижным и жизнерадостным ребенком. Заводилой он не был, но связываться с ним соседские ребята не решались. Бывало, что Митроха хмурился, закусывал губу и бросался на обидчика с кулаками. И не смущали Митроху габариты обидчика. Мог и на мальчишку старше

его наброситься. Боевитый был, но затихал иногда, куда-то прятался так, что несколько раз его родители едва отыскивали. Время тогда было тревожное, что ни год — то татарские наезды. А куда в степи спрячешься, если татары наскочат? Ответа на этот вопрос не было, кроме того, чтобы где-нибудь за стенами укрыться. А где же такие стены взять? Надо до Черкасс идти, да далече это.

Если же в Черкасы идти, то и жить там надобно. А раз так, то налоги, поборы и сборы платить необходимо. В степи же — сам себе хозяин. Правда, пока татары не наскочат. Вот иной раз с казаками и договаривались селяне о том, чтобы те их прикрыли да защитили. А за это кое-что им давали от урожая. Защита, конечно, не на все случаи жизни, но лучше что-то, чем ничего. В местечко, возле которого Митроха проживал, а было селение расположено на левой стороне Днепра, на зиму казаки приходили, чтобы ее пережить, отоспаться, а с весной на Сечь идти. Вниз по Днепру, если на чайке после ледохода до места добираться, то можно было через пару дней и Сечь увидеть на Томаковке.

Левко же, как увидел Митроху, сразу понял, что не простой он парень. С родителями его переговорил, да договорился о том, что зиму будет в Бередичах коротать с помощниками. Мог Левко и в Чигирине остановиться, но решил посмотреть на

Митроху, поговорить с ним и поближе познакомиться. После того, как перезимовали, Левко к Тимофею Кадзубе, отцу Митрохи, подошел и прямо сказал, что хотел бы взять его сына с собой на Сечь в один из лагерей. Тимофей вначале ни в какую не соглашался, говорил, что Митроха еще малец, надо, чтобы время прошло. Левко не настаивал, сказал только, что казацкой науке с семи лет предметно начинают учить. Да Тимофею невдомек то было. Не хотел он, чтобы его сын казаком стал. Желал Тимофей, чтобы сын по его стопам пошел и стал землю пахать.

Прошел год. Ближе к осени, когда лист начал желтеть и опадать, а буйны ветры, холода да дожди все чаще приходили на смену уходящему лету, вернулся Левко с четырьмя товарищами на зимовку. Остановились они в одной из хат в Бередичах, где проживали Горьпа Степановна и муж ее Федор Терентьевич, его еще Бередаем кликали. Сами дед и бабка жили, а хата у них просторная была. Места всем хватало. Вот в хате этой Левко с товарищами и останавливался, да не просто так, платили казаки за постой, работой разной занимались. Умельцы были на все руки. Горьпа и Федор гостям были рады. Их сыновья по свету разошлись, а дочери давным-давно замуж вышли, а родителей не так и часто навещали, поскольку жили далеко от них. Так что Левка и его

друзей дед и бабка, как родных встречали.

Левко характерником был, не зря в Бередици наведывался, все учеников себе искал. Решил он Митроху кое-чему его научить, пока зима, да работы нет. Понятливым и сообразительным учеником оказался Митроха. Талант у него был к обучению, да только не все так гладко выходило, как сказка сказывается. Иной раз что-то на Митроху находило такое, что он тени какие-то видел перед собой, то на него глаза смотрели, то он слова самые разные слышал, то пугали Митроху невиданные ранее образы. Малец, он и есть малец. Родителям почему-то стыдился говорить Митроха о видениях, а Левку все, как есть, выкладывал. Левко многое ему пояснил, в том числе и то, почему не надо приведений и образов бояться. Митроха учителя своего внимательно слушал и принимал его слова к сведению.

Так три года подряд Левко наведывался на зиму в Бередици, а потом пропал. Два года его не было. Исполнилось Митрохе двенадцать лет, как вдруг объявился Левко. Только не стал Левко вновь зимовать, а сразу же к родителям Митрохи пошел. Так, мол, и так сказал, если не отпустите со мной сына, беда может случиться. Тимофей снова отказался сына отпускать на Сечь, сказал, что сын ему самому нужен. Левко, подумав, ответил Тимофею следующее: «Приходит время, когда дети

должны сами выбрать свой путь. Для Митрофана это время наступило. Не калечь ребенка. Опустит со мной на Сечь. Мне Митрофан вместо сына будет. Когда ему шестнадцать лет исполнится, он предстанет перед тобой. Тогда он сам решит, какой дорогой ему идти. Вы же уходите из здешних мест. Беда стучится в двери. Мы не сможем вас прикрыть».

Только не послушал Тимофей Левка. Мало ли что казак скажет, подумал Тимофей и не отдал сына казаку и не ушел из селения. А давить на него Левко не хотел, не тех кровей был, с черной харой (силой) не якшался и другим не советовал дурным и опасным для здоровья делом заниматься.

На следующий год, в начале осени, нагрянули в Бередици татары. Тимофея убили, а детей в плен забрали вместе с женой Тимофея, Светланой. Только Митрофана среди пленников не было. Левко перед тем, как уйти, дал ему амулет и сказал беречь его, как зеницу ока, носить все время на груди и никуда не девать. Как Левко Митрохе сказал, так он и сделал, что жизнь ему и спасло.

В ночь перед набегом татар приснился Митрохе сон, да не простой, а вещий. В том сне мужчина лет пятидесяти, по виду русич, глядя на Митроху, усмехнулся и сказал: «Видишь, черный ворон крыльями небо заслоняет. Беда случится. Тебе, если жить хочешь, спрятаться нужно и

затаиться». Больше ничего мужчина не сказал, только лишь усмехался Митрохе, как старому знакомому, как будто знал, кем ему Митроха приходится. Проснулся Митроха и рассказал сон родителям, да только Тимофей сына не послушал. Мало ли чего ребенку привидится. Ближе к вечеру наскочили на Бередици татары. Митроха в это время, как будто чувствовал, что надо укрыться, пошел к речке, что в Слауту впадала, за водой. Пошел, да так и не вернулся. Воды набрал, даже искупался, пока родители не видят. Вода охладила тело, а как выбрался Митроха на берег, амулет первым делом на шею надел, а потом одежду.

Как только он оделся, слышит голос: «Ты в селенье не ходи, если жить хочешь. Укройся где-то». Митрохе два раза не надо было повторять, что делать. Рощица рядом была. В ней Митроха и притаился. Солнце все ниже клонилось. Митроха уже хотел домой идти, а тут шум, крики, даже пару выстрелов раздалось. Понял Митроха, что лучше пока что в лесочке оставаться. Так и сидел в укрытии, пока солнце не закатилось за горизонт, а крики и шум поутихли. Только тогда Митроха, пригибаясь, а кое-где переползая с места на место, как Левко его учил, до поселения и дошел. А как добрался до ивы, которая вблизи поселения росла, так сразу же погром и увидел. Навел кто-то ясырников на поселение, потому и нагрянули они

нежданно. Такое часто в здешних местах бывало. Так что сопротивления ясырникам оказано существенного не было, да и некому особо было им противостоять. Тимофей, правда, отчаянно сопротивлялся так, что в сердцах его кто-то из татар саблей полоснул.

Отец, когда Митроха добрался до дома, лежал в луже крови. Жизнь почти что ушла из него, но к удивлению Митрохи, который при виде отца закрыл лицо руками, Тимофей застонал. Митроха в отчаянии припал к отцу. Тимофей, глядя на сына, усмехался. Он силился что-то сказать, но не мог. Сын слегка отстранился от отца, но потом, повинувшись какому-то необычному для него чувству, наклонился головой к отцу и услышал едва слышимый шепот: «Левка найди. Казаком стань». После этого предсмертная судорога прошла по телу отца. Голова у Тимофея дернулась и повернулась чуть в сторону, а на лице застыла усмешка. Митроха не знал, что делать. В поселении остались только лишь убитые и раненые. Часть хат спалили, а Горьпа и Федор, у которых Левко с казаками останавливался, также погибли. Митроха, во всяком случае, поначалу так думал, когда увидел деда в луже крови. Знал малец, что есть кладовая в доме у хозяев.

Хату, где он жил, спалили татары, а дом Горьпы и Федора, стоявший чуть в стороне, уцелел.

Поразмыслив, Митроха решил в погребех схорониться. Подошел к месту, где был лаз в полу, да потянул за металлическое кольцо, отбросив половик. Доска, закрывавшая лаз, с трудом, но поддалась. Митрохе пришлось немного повозиться, пока ее в сторону отодвинул. Силенок у тринадцатилетнего парня не так и много было, зато смекалки хватало. Руки Митроха от пыли отряхнул, уже нагнулся, чтобы рассмотреть, что же там внизу, как вдруг услышал шорох и плач. Вначале Митроху страх охватил, но потом парнишка догадался, что в погребех кто-то есть, и этот кто-то также от татар тут прячется. Набравшись храбрости, Митроха в темноту проема и спрашивает: «Кто здесь». А ему в ответ Горьпа и отвечает: «Я с Маричкой, да со Светланой. Сейчас выберемся, если татар нет».

Как тогда Митроха обрадовался, не передать словами. Помог он бабке, как мог, лестницу поднести и наверх подняться. Что ж тут делать, когда ночь на дворе? С раннего утра решили делом заняться, погибших, как могли, похоронить, да только не все так вышло, как рассчитывали. Повезло Митрохе и Горьпе с внучатами. Где-то часа через четыре после восхода солнца к поселению подъехал казацкий разъезд. Казаки, чем могли, тем помогли. Митроха же спросил у казаков, знают ли они Левка Байзаблуда. Такие в отряде нашлись. Один из казаков, некто Семен Дереза,

спросил у Митрохи:

— Левко, кем тебе приходится?

Подумал Митроха тогда и ответил:

— Левко — мой друг. Он мне амулет подарил.

Чтобы казаки не подумали, что он обманывает их, Митроха полез под рубаху и вытащил из-под нее амулет. Лучик солнца осветил круг, который образовывали две сабли, а внутри, по центру круга, красовался трезубец, центральным зубом которого был меч.

— Вот, — слегка запинаясь, произнес Митроха. — Я не вру.

Семен переглянулся с товарищами. Почесав затылок, слегка прищурившись, Семен спросил себя и казаков:

— И что теперь делать? Не оставлять же хлопца одного. Куда он пойдет? Осень на носу. У тебя есть, где жить? — спросил Семен и в сердцах махнул рукой. — Сам знаю, что податься некуда.

— Может, на Сечь взять? — предложил Ярофей Сильджуга.

Семен с прищуром взглянул на Ярофея, потом на Митроху. Казаки одобрительно загудели, соглашаясь с таким решением Семена. Решение он уже принял, но для Митрохи сделал вид, что думает. Положив руку на затылок, Семен едва заметно сдвинул шапку вперед и слегка почесал затылок, соображая. Митроха выжидал, что же

скажет дядечка. Он сразу усек, что Семен среди казаков главный и от его решения зависит и его, Митрохи, судьба. Поразмыслив, Семен, слегка усмехаясь, спросил:

— А что делать на Сечи будешь?

— Казаком стану, — не моргнув глазом, ответил Митроха. — Так отец захотел, и я к тому склонен, — пояснил мальчонка свое решение и слегка всплакнул, вспомнив лежащего в луже крови отца.

Переглянулись между собой казаки, а Семен и говорит:

— Что ж, возьмем тебя к себе, Левку передадим, раз у тебя его амулет. Только веди себя, как подобает джуре (юноша, обучающийся казацкой науке), а не то вернем обратно.

Последние слова Семен сказал для пущей важности, нахмутив брови, но Митроху это не испугало.

— Когда отъезжаем? — деловито осведомился он.

— Завтра с утра и поедем, если за сегодня управимся и мертвых похороним.

Как сказал Семен, так и вышло. Управились казаки с мертвыми, молча постояли над ямой, бога не помянули, только сказали: почивайте с миром. Семен амулет казацкий с шеи снял, да приложил зачем-то к земле на свежевырытой могиле, а потом

сделал ладонью противоположной руки над амулетом пару движений, как бы снимая с него энергию. Зачем это было надо, Митроха так тогда и не понял, но точно знал: Семен правильно делает. Он не знал, откуда у него было такое знание, но чувствовал, что так и есть на самом деле.

Никто не плакал и не голосил. Было тихо. Даже свежий ветерок, устав носиться взад-вперед, затих, перестав играть с листвой деревьев, которые, как будто почувствовав момент, перестали еле слышно шуметь. Послеполуденное солнце, словно устав посылать на землю тепло, скрылось за непонятно откуда набежавшей дымкой. Из выживших жителей Бередицы над свежерытой могилой стояли только лишь Митроха, да Горьпа с двумя внучатами. Также выжил дед Балуба, но его на прощании с мертвыми не было. Балуба, несмотря на возраст, пробовал защищаться, но был ранен. Горьпа перевязала его. На ее лице не было слез. Горьпа была сосредоточена, соображая, что же ей дальше делать. Одной на месте оставаться было нельзя. Приближалась зима. Надо было идти на север или на северо-запад. Казаки прекрасно понимали Горьпу, но долго задерживаться на месте не могли, спешили, поскольку выполняли задание. Горьпа отлучиться не могла. Дед Балуба нуждался в заботе. Поэтому после того, как над могилой были сказаны последние слова, Горьпа обратилась к

Семену, признав в нем главного.

— Сыночек, ты скажи Левку, если увидишь, чтобы он, если может, к нам наведался или прислал кого. Деда я не брошу. Выхаживать еще надо. Вижу, что поживет еще.

Семен только лишь вздыхал. С собой Горьпу он взять не мог.

— Сделаю, что смогу, — пообещал казак, упирая взгляд в землю.

— Ба, я Левка встречу и передам ему, чтобы в Бередици приехал.

— Так и сделай, внучок, только не забудь.

— Я вот что подумал, — внезапно откликнулся Семен. — Если кто-то из казаков захочет, может с вами остаться. Двое могут несколько дней с вами побыть. Татары точно не явятся. За ними казаки припустились, да и делать им уже тут нечего.

— Я и сама справлюсь, — откликнулась Горьпа, — но от помощи не откажусь, если сыночки за труд не сочтут несколько дней со мной и дедом, да внучатами побыть.

— Гнат и Ярко, останетесь пока здесь, — слегка нахмурившись, распорядился Семен.

Он знал, что нарушает приказ, но поступить по-другому не мог. Если через четыре дня никого не будет, знаете, куда ехать...

Оба казака кивнули головами, а длинные

казацкие чубы, заложенные за ухо, затрепетали, скользнув вперед.

— Дед твой, — обратился к Горьпе Семен, — на небо пойдет.

— В рай? — спросила Горьпа. — Не очень-то я верю, что там ему хорошо будет. Федор, мужчина сильный и решительный был, на себя надеялся, в бога не верил. Так что нет ему там места. Он все время говорил: только сабля — моя подруга и жена.

— Тебя что ж, не любил? — поинтересовался Семен, вглядываясь в Горьпу, как будто увидел в ней что-то привлекательное для себя.

— Почему не любил? Любил, говорил, что я — его отрада. Я спину ему прикрывала, так и жили: он на земле работал, а я хозяйством занималась. Федор мужчина был ладный, меня не обижал. Всякое было, мог и накричать, но, чтоб руку поднимать, такого не было.

— Завтра с утра отправляемся в путь, — еще раз сам себе сказал Семен.

— Так что ты там по поводу неба говорил? — спросила Горьпа.

— О дедке мы с Левком позаботимся, — пообещал Семен. — Большого сказать не могу. Не поймешь.

— А что мне понимать? Вижу, что слово сдержишь. Так воспитан.

— Смерть — только лишь начало новой

жизни, не знаю, лучшей ли, — многозначительно молвил Семен.

— Если не знаешь, помолчим тогда, — предложила Горьпа.

Так тот день и закончился. А ранним утром Митроха уже был на казацком коне. Начинаясь для него новая жизнь. И жизнь эта была совсем не похожей на ту, к которой за тринадцать лет привык парнишка.

Как-то так сложилось, что Семен сразу же доставил Митроху Левку. Характерник, как показалось Митрохе, даже не удивился тому, что рядом с Семеном, держась чуть сзади него, шел знакомый ему паренек. Мельком взглянув на Митроху, Левко вздохнул, сказал, как бы обращаясь к нему, но вместе с тем и ко всем:

— Вижу, что Тимофей совету моему не внял...

— Тимофей, это кто? — просил Семен.

— Отец хлопца, который с тобой идет.

Семен покосился на Митроху и вздохнул, даже слегка руками развел, показывая, что по-иному поступить не мог.

— Не оставлять же парня на пожарище. Никого не осталось, кроме Горьпы с внучатами. Тимофея убили. Мать Митрохи в плен увели, как и братьев, и сестер. Один остался. Я казаков с Горьпой оставил. Помочь ей бы надобно. Погибнет

одна. Деду она в Бередицах помогает. — В расстроенных чувствах Семен махнул рукой. — Нет Бередицей. Одно пожарище. Только дом Горьпы и уцелел. На окраине стоял, так до него у татар руки не дотянулись.

— Правильно сделал, что Митроху с собой взял. Горьпе помогу. Она с дедом меня у себя принимала. За добро надо платить добром.

Левко вздохнул, проведя рукой по пышным казацким усам, поглядел на Митроху как-то даже весело и спросил:

— Помог, стало быть, амулет?

— Мне дядечка ночью сказал, что беда будет и укрыться надо. Отцу я сказал. Он не послушал меня.

Левко только лишь вздохнул, а потом поинтересовался:

— Что еще тебе отец сказал?

— Он хотел, чтобы я казаком стал.

— А ты этого хочешь?

— А ты меня учить будешь?

Казаки, стоявшие рядом, засмеялись.

— Сметливый парнишка тебе попался, — и себе усмехнулся Семен. — Делать-то, что с ним будешь? Осень наступила. Не за горами зима...

— Подумать надобно, братья. Так сразу и не ответить.

Думал Левко недолго. В одном из казацких

лагерей, которых было на Запорожье в теплое время не один десяток, можно было остаться только лишь до середины осени. Потом оставалось два выхода: либо оставаться на Сечи, либо идти на зимовку в Чигирин или в Черкассы, или еще куда-либо в местечки вверх по Днепру. Левко, поразмыслив, решил с Митрохой в Чигирин податься. Была у него там хата, где Левка ждали. Хозяюшка была круглолица и черноброва, которая своего мужчину дожидалась, несмотря на то, что Левко, хоть ему уже и сорок пять лет было, жениться пока не собирался, о чем честно Марише и сказал. Впрочем, Маришу и такие отношения устраивали, когда муж время от времени к ней домой являлся. По другим женщинам Левко не ходил. Занят был. Тренировал Левко казаков, да особые поручения выполнял.

Казаки с Митрохой прискакали в лагерь, где с середины весны они уже налаживали быт и хозяйство, занимаясь привычной работой. Лагерь возле Томаковки располагался в скрытом и укромном месте. Плавни, невысокие деревья со всех сторон окружали сразу за порогами Славуту, который, пронеся воды через грозно стоящие на его пути каменные зубья подводных утесов, растекался после стремнин привольно и широко. Славута как бы давал понять, что после порогов он может позволить себе тихое и раздольное течение, охватить бесчисленными руками проливов, заливов,

проток, рек и речушек огромную местность, образуя на ней заповедные места, полные тайны.

Ормагой или Орман — так называли эту страну еще скифы. А до них киммерийцы и арии. Эти священные для предков места и стали излюбленным местом жителей, которые уходили сюда ранее со всей Руси, а теперь из Речи Посполитой, которая не так давно, объединившись с Великим княжеством Литовским, стала претендовать на эти земли. Вроде бы Запорожье и входило в состав Речи Посполитой, но, как говорили казаки: руки у панов были коротки дотянуться до этих земель так, чтобы здесь полноправно властвовать. Население этих земель называли казаками от имени еще князя Козая, который в здешних местах воевал с хазарами, с другими кочевниками. Здесь же, на Хортице, издавна существовала волховская школа. Волхвы давно канули в лету, но, по сути дела, казаки-характерники были продолжателями давних традиций.

Точно так же, как и тысячу лет назад, на Хортице и на других островах, которые охватывал своим раздольным течением Славута, росли дубы. Только теперь им не поклонялись, но слушали такие характерники, как Левко, как его учитель — казак Дмитрий Нетяма, которого еще звали Стешком. Каких только прозвищ у характерников

не было. Случалось так, что говорили об одном казаке, а называли его разными прозвищами. Если честно, то никто из характерников не хотел, чтобы его настоящее имя стало известно, поскольку известность на Сечи стоила короткой жизни и быстрой смерти...

Конечно, случались исключения, но по большей части характерники жизнь вели уединенную и скрытую, то, чем занимались, передавали только лишь избранным ученикам. И то, чем дальше шло время, тем все больше казацких секретов умирали вместе батьками, поскольку, как считали батьки просвещенные и умные, у которых тямы (здесь в смысле ума) было столько, сколько звезд на небе, зачем кому-то что-то передавать, если времена становятся, чем дальше бежит время, все более смутными? Ответа на этот вопрос у них не было. Сумерки и тьма, чем дальше в будущее шло время, все больше сгущались, казаки слабели, а знания, передаваемые от характерника к характернику, от учителя к учителю, — все больше затемнялись и извращались. Остановить этот процесс не удавалось, поэтому ученикам передавали все меньше и меньше казацких секретов, чтобы не подставлять их, поскольку обретаемые навыки в любом случае требуют подтверждения в ситуациях.

Если ты, к примеру, учишься рукопашному

бою и лекарству, то в любом случае жизнь, в чем можно не сомневаться, сполна предоставит тебе проверки на пригодность. И никто тебе не поможет их пройти. Если не готов, — наградой тебе будет смерть, хорошо, если быстрая. Никто не считал, сколько учеников погибло, но, что точно, выжили единицы. И эти единицы были настоящими мастерами своего дела. Причем делали они его тихо и незаметно, продолжая традиции предков, стараясь по возможности не вступать в конфликты из-за ерунды, не проявляться в ситуациях, где в этом не было необходимости. И что, главное, не метать бисер перед свиньями. Кому не дано понять, тому не надо ничего знать, ибо тот, кто меньше знает — крепче спит...

Так вот, потомки, Левко как раз и был одним из таких характерников, которые тихонечко делали свое дело. Вообще в те времена, а шел 1591 год, на Сечи и вокруг нее было не больше нескольких сотен характерников. Из них несколько десятков были мастерами своего дела, продолжая традиции и пронося через время искусство жить и совершенствоваться в жизни. Называлось это искусство гопак. Го — в переводе хозяин, а пак — движение. Сразу скажу, чтобы стать хозяином движения требовались годы, казалось бы, подготовки, в которой вообще не было ничего необычного. Эта подготовка имела мало что общего

с рукопашным боем, но она была необходима. Без нее, что было проверено в поколениях, не станешь воином, не говоря уже о том, чтобы стать мастером.

Искусством боевого гопака владели еще арии. Здесь, на Запорожье, семь тысяч лет назад и раньше был центр арийского присутствия. Орман был священным местом для ариев. На Хортице арийские посвященные слушали слог «Ор» — слог Вечности и Бессмертия Бытия и Существования. Те времена канули в лету, а арийские племена разошлись по свету, образовав на своей базе сотни народов и народностей.

Арии несли знания, являясь потомками элтов, последних свободных жителей Атлантиды, которую уничтожил катаклизм. Перед ним специальные бригады из числа элтов зачистили Землю от напоминаний о предках, зная, что им предстоит, и в какие темные времена они будут жить. И элты, и атланты, кроме магов из их числа, не хотели, чтобы потомки, изучая остатки их культур, соприкасались с ними.

Так вышло, что ничего кроме проблем мы своим далеким предкам дать не можем. Их технологии и достижения для нас — только лишь мечта. В будущем, как я вижу, достижения элтов и атлантов также будут недоступны для потомков. Да и какие достижения могут быть, когда я вижу, обращая взор в будущее, признаки Руины на землях

Украины через четыреста лет с небольшим хвостиком?

Во времена, которые я описываю, гопаким занимались десятки тысяч людей. Профессионально этим искусством владели сотни, а из их числа мастерами были десятки. Сейчас, когда я, Василь Галайда, завершаю жизненный путь, а мне исполнилось девяносто три года, на Запорожье единицы тех, кто еще может чему-то путному научить учеников. Идет 1663 год. Время бежит, а казаки все больше теряют в силе, но, главное, в соображении. И такому положению дел есть масса причин. Основная из них та, что свободные люди, знающие, что они делают, к тому же отстаивающие свое право жить так, как они видят и хотят, не нужны. Нужны подневольные существа, рабы, прихвостни, в общем, стадо, которым можно управлять. Нужны люди, которые, не думая за что, пойдут и умрут за чьи-то интересы, полагая, что делают благое дело. На самом деле они лишь играют на руку паразитам, все крепче усаживающимся на их шею.

Под конец жизни грустно писать эти слова, но правда есть правда. От нее не убежишь. Да и зачем мне на склоне лет кривить душой? Иной раз я, видя будущее, отдаю себе отчет в том, что не хочу видеть то, что произойдет с Украиной и миром, но есть то, что внушает мне надежду. Это дело,

которое я с некоторых пор веду. Если бы не оно, я бы ушел, совершив по давнему, еще арийскому обычаю, добровольный уход. На самом деле нет ничего сложного в том, чтобы покинуть физическое тело, отделив оболочки ума, разума, сознания, психики и интеллекта от него. Но что дальше? Пока живешь, можешь очень многое сделать, несмотря на преклонный возраст. И надо знать, куда дальше идти... Знающие, поймут меня, остальные — догадаются о том, на что намекаю.

Что же касается Митрохи, то он остался в одном из казацких лагерей вблизи Томаковки, где в те годы еще существовала Томаковская Сечь. Левко с казаками, несмотря на занятость, направился к Горьпе. Как бы то ни было, а помог Левко перевезти Горьпу в Чигирин вместе с дедом и внучатами. Были у него добрые знакомые, которые их и приютили. А Левко подался в лагерь, где его ожидал Митроха, да с подарками... Теплой одежды у хлопца не было. Осень понемногу вступала в свои права, а за ней уже притаилась зима, поглядывая пристальным взглядом на бескрайние просторы Украины, подумывая, как же их замести снегом, сковать морозами, а реки устлать льдом.

Левко вовремя прибыл. Митроха ожидал его, расспрашивая казаков, когда же Левко появится. А что ответишь мальцу, если казак, как ветер в поле, может налететь и явиться неожиданно, а может и не

вернуться?.. Семен на вопросы Митрохи только лишь вздыхал. «Почекай, хлопче. Не журись. Нікуди Левко не подінеться. Прийде, коли схоче, та потрібно буде...». И Митроха ждал, слегка хмуря брови, да покусывая губу.

Левко же, как нарочно, задерживался. Как узнал позже Митроха, договорился казак о том, чтобы их с Левком к себе в дом взяла Мариша. А Мариша, когда казак ей сказал, что придет, да не сам, обрадовалась. Посмотрела на Левка и ответила:

— Вас приму, но на мне — женись. Свои дети будут, а не приемные.

Левко туда-сюда, а деваться некуда. Можно было, конечно, у других знакомых зиму пережить, да только нужна была Митрохе материнская забота, вот Левко и согласился, но условия свои поставил и жесткие. Первое и основное было, что Мариша ему не будет мешать казаковать и делом заниматься, что только лишь поздней осенью, зимой и ранней весной он будет в Чигирине. И согласилась Мариша, хоть и моложе была Левка на двенадцать лет. Жизнь у нее не сложилась. Первого мужа убили. Детей от него не было. Шляхтичи, бывало, к ней заходили... но после того, как Мариша встретила Левка, панство в дом — ни ногой. Хмурила брови Мариша, руки упирала в боки, слегка покусывала губу и говорила незадачливым

кавалерам: «Идите отсюда, пока ухват не взяла».

И ретировались и женатые, и неженатые, до ласого шматочка (вкусного кусочка) в лице Мариши склонные. Слова с делом у Мариши не расходились. Если что, на помощь кликала. В общем, связываться с ней против ее воли никто не хотел. Был, правда, один случай, который свел Маришу и Левка. Помог ей казак, который проездом в Чигирине был, освободиться от шляхетных угодников. Левко «поговорил» с местными шляхтичами, пообещав в случае чего расписать лицо, как писанку, но кулаками. Связываться с характерником, который к тому же не то десятком, не то сотней воинов руководил, не решались даже самые гоноровые шляхтичи. «Дурная» слава ходила, как женщина непрошенная, по следам Левка. То его оборотнем называли, то к нечистой силе причисляли, а казак в ответ только лишь посмеивался. Много сказывали о Левке, да мало правды было в словах...

Своих детей у сечевика не было. Жизнь была посвящена казачеству и казацкой науке. Еще до беседы с Маришей Левко решил, что Митроха будет его сыном, если, конечно, того захочет. Так что, как сказал в беседе Левко Марише: все будет зависеть от Митрохи. Если он захочет меня и тебя принять, — будет дело. Если нет, — все останется по-старому. Мариша, слушая казака, только лишь

вздыхала. Уж очень ей замуж хотелось, но хотение — дело глупое и положение дел только лишь ухудшающее, если ты ничего не делаешь для того, чтобы приблизить желаемое для тебя событие. Поэтому Мариша решила казака не неволить, как и Митроху. Она почему-то с самого начала знала, что Митроха не откажется стать сыном Левка.

Митроха с радостью встретил Левка. День, когда сечевик появился в лагере, выдался теплым и солнечным. Накануне холодные ветры поутихли, а небо расчистилось от туч. Солнце, как будто отыгрываясь за то время, пока скрывалось за тучами, активно насыщало землю теплом лучей. Бабье лето входило в свои права. Казаки, тем не менее, собирались на зимовки. Казацкий лагерь понемногу пустел, но Семен и его друзья пока что никуда не собирались уходить.

Смотрел Левко на Митроху, в обществе казаков вышедшего его встретить, и сердце его наполнялось какой-то необычной радостью. Он видел в этом парнишке себя. Перебросившись словами с товарищами, Левко подошел к Митрохе и присел перед ним на корточки так, что его глаза оказались напротив глаз парнишки. Какое-то время казак и Митроха молчали. Левко смотрел чуть мимо глаз хлопца, изучая его.

— Ждал меня? — негромко спросил Левко.
Митроха кивнул и усмехнулся.

— Одежду я тебе привез. Примеряй.

Из сумы казак достал плотную рубаху, штаны и маленькие сапожки. На руке у казака был жупан, размер которого вполне подходил Митрохе. Парня не надо было долго уговаривать. Быстро переодевшись, Митроха явил себя в новом виде. Одежда сидела, как будто была шита по Митрохе.

— Совсем казак, — сделал вывод Левко. — Со мной в Чигирин поедешь? Там перезимуем. Буду тебя казацкой науке учить.

— Поеду. А где мы там жить будем?

— Есть у меня на примете одна хатка, да хозяйюшка черноброва...

— Жена твоя?

— Да, — подумав, после длительной паузы согласился Левко.

— А мою мать татары увезли. Когда ты меня научишь, я им отомщу.

В ответ Левко только лишь вздохнул.

— А когда поедем? — не отставал Митроха.

— Завтра или послезавтра. Посмотрим, что нам небо скажет и ветер, — Левко поднял глаза и посмотрел на небо.

— Тепло вроде будет, — сообщил Митроха и усмехнулся.

«Тепло, аж горячо», — мысленно согласился с ним Левко.

Не прошло и трех дней, как Митроха, Левко и

еще несколько казаков отправились в путь. В Чигирин прибыли без приключений. Там на зиму и остались. Мариша приняла Митроху, как родного сына. Ему, конечно, было непривычно, но, окруженный теплом и заботой новых родителей, Митроха зажил, как вареник в сметане. Даже работать его не заставляли. Он сам проявлял инициативу, спрашивал, что ему делать по хозяйству. Мариша всегда работу находила. А Левко начал учить Митроху искусству, как жить надобно...

Вначале Левко научил Митроху, как правильно дышать, а потом — как правильно, видя себя сильным, совершать те или иные движения. У Митрохи не сразу получалось, но парень он был упрямый. Настойчивости ему было не занимать, как и упорства. Упражнения, которые показывал вместе с этим Левко Митрохе, были просты, но в этой простоте и заключалась сложность. Выйдя во двор, не взирая на зимний холод, сын и отец медленно и плавно выполняли движения. Со стороны, глядя на них, можно было подумать, что учитель и ученик совершают некий странный танец, приседая и вытягивая вперед ноги или руки.

— Чувствуй и слушай себя. Сила крепнет в тебе. Нет нигде в мире силы, кроме тебя, — наставлял Митроху Левко. — Всю силу собираем в кулак, — медленно вытягивал руки, собранные в

кулаки, перед собой Левко. — Спешить не надо. Тщиться тоже. Делаем все спокойно, ровно и естественно. Сила любит тишину и последовательность. Ее губят спешка и эмоции.

Митроха во всем наследовал Левка. Казак же все делал для того, чтобы Митроха прочувствовал и движение, и силу. Левко никуда Митроху не торопил, ни к чему не принуждал, не ставил перед ним целей к такому-то времени чем-то овладеть. Так сын и отец, поскольку Митроха принял Левка, как отца, а Маришу — как мать, и занимались делом, а когда Славута стряхнул со своих плеч ледяные оковы, слегка подсохла земля, а на деревьях из почек уже стали появляться зеленые листочки, потянулись казаки, как перелетные птицы, на Сечь.

Сечь — Матушка, а Великий Луг — Батюшка. Огромные пространства Великого Луга, расположенные между Славутой и речкой Конкой, манили к себе всех здешних жителей. Днепр, привольно разливаясь, создавал вместе с речкой Конкой природную среду, которую сложно описать. Если в двух словах сказать, то плавни, рощицы деревьев и даже плавневые леса вперемешку с протоками, каналами и канальцами, озерцами служили местом обитания самых разных животных, и, конечно, бесчисленного количества рыбы в речушках. Весной, когда Днепр разливался, он

затапливал огромные пространства до речи Конки. Кое-где оставались лишь островки растительности. Когда же разлив заканчивался, а вода отступала, не было места лучшего для жизни, чем здешнее раздолье, которое так любили казаки.

Что сказать, когда с рассветом ты выходишь из шалаша, встречая первые лучи солнца, окуная тело в еще студеную воду? Как можно описать купания в росе по утрам? Дым от костра, едва слышный говорок казаков, вкуснейшая уха, отвары из трав, кулеш, запах теплой пшенной каши, неспешные движения казаков и безбрежная синь Славуты, купающегося в беспредельных, как казалось Митрохе, плавнях, в которых, если не знать проток и каналов, можно было заблудиться даже бывалым казакам. И так, потомки, из года в год с тринадцати и до восемнадцати Митрохиных лет.

В сердце, когда ты видишь перед собой первозданную природу, слушаешь голоса птиц и зверей, шорохи, которыми так богата природа, как по улочкам, на лодке в компании бывалых казаков плывешь по протокам в плавнях, поселяется необычная радость от Бытия и Существования именно здесь, в этом месте. И тогда ты ощущаешь с особой силой одно: в жизни тебе ничего больше не надо, кроме синевы бездонных небес, света солнца и многообразия того, что обитает в плавнях и в

плавневых лесах. А еще, что особо ощутил Митроха, ему нужно было изучить казацкую науку, которую неспешно и со вкусом преподавал, не делая этого, Левко. В те времена он был одним из ведущих характерников вместе со своим учителем Орельяном Запрудой, которого промеж собой казаки называли Орельком. Вот этот Орелько, далеко еще не дед, и учил Митроху, пока Левко казаковал.

Время было сложное. Войны не прекращались. Кампании следовали за кампаниями, а в степи, сразу за Великим Лугом, всегда из года в год на протяжении десятилетий несли службу казацкие дозоры. Левко был не только одним из атаманов этих дозоров, но еще и курировал действия казаков на южных и восточных рубежах земель, контролируемых Войском Запорожским. Так что дел у него хватало: кроме воза, была еще и маленькая тележка... Тем не менее, Левко Митроху не забывал, а когда сам не мог участвовать в становлении сына, то поручал это дело товарищам. Тот же Семен, да его лучший друг Степан Бабула, да их друзья-товарищи занимались с Митрохой и с такими же, как и он, хлопцами. Так что, помогая казакам, Митроха как-то сам для себя за пять лет к восемнадцати годам многому научился. Саблю, правда, пока еще из рук товарищества не получил, но до этого события недалеко было...

Левко, наблюдая за успехами ученика, не поощрял его, только изредка говорил, над чем нужно поработать, да на что внимание еще обратить. Сила у Митрохи прибывала. К восемнадцати годам он стал быстрым, сметливым и сильным казаком, в глазах которого то и дело проскакивал смех. Все, что ему показывали, умел Митроха, многому научился, так что заслужил, чтобы к девятнадцати годам саблю получить. На казацком кругу сотни казацкой разведки, которая на самом деле насчитывала в те времена до полутора тысяч казаков, несших дозоры по всей линии границы Запорожья с Диким полем или выполнявших особые поручения, саблю вручил Митрохе Левко, со словами: «Сабля, словно девица, за ней уход нужен и забота. Основное твое оружие голова и тьяма (энергия, обеспечивающая мышление и нахождение нестандартных решений) в ней, острота мысли, сабля только лишь их продолжение. Теперь ты казак. Живи по законам казацкой чести, наработывая хару (силу), поскольку без хары — нет успеха в нашем мире».

После того памятного события жизнь Митрохи приняла совершенно иной оборот. Он начал ходить в дозоры, поучаствовал во многих походах, но рассказать я хочу не об этом, хотя на такой случай приберег для потомков повесть «Степной дозор» и с десятков рассказов о том, как

несли в степи дозор казаки, в какие переделки попадали казацкие пластуны и разведчики, какими делами занимались.

Я вот о чем скажу. Очень уж хотел Митроха, как Левко и его товарищи, боевому гопaku научиться, да так, чтобы лучшим стать. Левко заядлого и напористого ученика всякий раз останавливал от рьяного изучения искусства, переводя его внимание и энергию на другие вещи. Так, к примеру, к шестнадцати годам Левко, видя усердие Митрохи, сказал, что без того, чтобы освоить на должном уровне лекарское дело, толка в гопакe не будет, да и в жизни, мол, это пригодится. Вначале с неохотой, а потом с все большим интересом изучал Митроха лекарское дело на практике. Он и раньше умел перевязки делать, да кровь восстанавливать, но Левко, который ко всему был еще и искусным лекарем, учил Митроху сбору трав, приготовлению из них разных снадобий. При таком занятии главное — чутье.

— Травку надо слышать, а потом и видеть, какая в ней энергия содержится, к какой энергии она подключена, что на ней и на рецепте стоит, чтобы снадобье, которое ты подготовил, приносило пользу, а не вред, — наставлял Левко Митроху, который оказался сметливым и понятливым учеником и в этом деле. — Если видишь на траве темную энергию или магию, надо вначале это

снять, а уже потом ее употреблять.

Учил Левко Митроху, как с энергиями работать, да так, чтобы самому под раздачу не попасть. Сам он, как говорил, в свои годы только лишь начинал путь к себе — сильному, здоровому и далеко глядящему казаку.

Митроха не понимал Левка. Ему казалось, что батька прибедняется или нарочно ему всей правды не говорит. Не видел Митроха сложностей там, где их отмечал Левко, а раз так, то и до беды недалеко, если по сторонам не смотришь, а норовишь все себе да другим показать и доказать, что ты можешь. Хорошо, что Левко, его товарищи и учитель Левка — батька Орелько несколько раз подстраховывали Митроху, а то отправился бы на галеры или сгинул где-нибудь на пограничье Великого Луга и Дикого поля. Шустрый Митроха был, но шустрость та не всегда себя оправдывала, особенно там, где надо было выждать и не предпринимать быстрых и поспешных действий.

Тем не менее, успехи у Митрохи были и немалые. Казаки виду не подавали. Так их Левко настроил. За шесть лет научился Митроха тому, чему сыновей казацких с четырех-пяти лет обучали. И не только их догнал, но и перегнал. Страх не было у Митрохи. Делал он то, чего другие боялись. Научил Митроху Левко страх преодолевать или вообще не ощущать. Тут, правда, другая крайность

есть — безрассудство и переоценка своих сил и возможностей, но над этим Митроха работал, пока с годами четко не научился для себя определять, размышляя, что он точно сделать может без ущерба для здоровья, где нужно в переделку не ввязываться, а где можно и рискнуть. Для казака ведь, что главное? И дело сделать, и в живых остаться.

«Полечь в чистом поле под татарскими саблями или закончить жизнь на галерах, когда твое изможденное постоянной работой тело выбросят в море на корм рыбам, — легко. Не для этого я тебя учу, чтобы ты в халепу (беду) попал, — не раз и не два говаривал Левко, поясняя ученику азы казацкой науки. — Твоя задача выжить и в силе, и уме прибавить, чтобы не только мог всегда за себя постоять, но и, если придется, другим помочь. Ты — не жертва, не овца, которую на убой ведут, а она от недовольства только мекает, но послушно на бойню идет. Будешь думать — будешь жить. Долгая жизнь нужна, чтобы дело казацкое еще больше освоить и усвоить, узнать, кто ты, откуда пришел и куда путь держишь. Знание должно прорасти в тебе, только в таком случае ты сможешь кое-что для себя в этой жизни сделать и не стать разменной монетой...».

Внимал, надо сказать, Митроха словам Левка с усердием. Хмурился иногда, правда, усмехался

или спрашивал то, что было ему непонятным. Левко редко на вопросы отвечал. Хитрый, как считал Митроха, был. Но прошли годы и сам Митроха, когда характерником стал, также, щуря глаза, улыбаясь «непонятливым ученикам» прямых ответов не давал, предоставляя казакам самим поразмыслить и прийти к пониманию интересующих их вещей. Только вот беда, не смог Митроха, в будущем казацкий батька Черета, передать ученикам и пятой части того, что знал и умел. А что поделать? Сумерки все больше сгущались над миром, а тьма все отчетливее входила в умы и сердца. С запада все активнее проходил крестовый поход, паны да магнаты, науськиваемые католиками да папой, иезуитами да тайными орденами продвигались все дальше на восток, колонизируя и подчиняя себе население, еще пока дышавшее воздухом свободы. И я так скажу, все татарские набеги — ничто в сравнении с тем, что происходило во время этого нашествия. В противном случае не было бы ни Богдана, ни казацких войн.

Московия так же, как оказалось, под себя казацкие вольности подгрести хотела. Рим и Византия с двух сторон закрывали темной пеленой здешние, еще свободные земли. Попы кадили, навевая тьму, а с юга турки подпирали. По всему было видно, что Руина начнется, когда казаки друг

с другом схлестнутся. И как тут знания, которые еще от ариев передались волхвам, а от них к казакам, дальше передавать вместе с искусством, когда они все больше извращаются? Нет ответа на этот вопрос, потомки, как нет и знаний. По факту оборвалась и еще больше оборвется казацкая традиция, а вместо нее, как я вижу, обращая взор в будущее, родится то, что будет выдаваться за знания и умения, за традиции, которые переведутся на базу темных энергий.

Впрочем, так мир устроен. Чем дальше бежит время, тем больше проникается земной мир тьмой и магией, а казакам и казачеству навязывается и придается то, чего они отродясь не имели. У меня нет надежды, но есть знание того, что в сумерках цивилизации наступят светлые времена. Как долго продлится эта пауза — не знаю, зависит это больше от потомков, от личностей, которые сами воспитаются и сделают то, что нужно, чтобы род людской, возможно, не прекратил окончательно свое существование.

Митроха же, чему не только казаки, но и Левко с Орельком дивились, с тринадцати до пятнадцати лет освоил хождение по пенькам. Их еще называли растущими бревнами. Вкапывали в землю деревянные колоды казаки, чтобы они круг образовывали. По ним надо было ходить. По мере того, как осваивался один уровень, столбы

«подрастали». И так росли от земли и до колена, а потом и выше... И по столбам этим ходили хлопцы. Правда, так обучались под руководством казацких батек далеко не все парубки. Надо было научиться видеть и потерять страх. Задача состояла в том, чтобы видеть, не смотря, куда ставить ногу. Развивалось особое чутье. Многие ученики так и не переходили порог, когда с завязанными глазами ходили по колодам, как по земле. Митроха же этот порог прошел, а со временем мог сказать, не глядя, или с завязанными глазами, сколько перед ним противников, чем вооружены и как против него действовать будут.

В Митрохе с некоторого времени Левко начал видеть свое продолжение, равно как и того дела, которым они с Орельком занимались. С девятнадцати лет, когда Митроха по видению батек обрел должную базу, силу и крепость, отправили казацкие батки его из Сечи куда подальше в мир, о чем мой сказ будет.

Митроха, как услышал, что ему надо будет Сечь, казацкие лагеря на два года покинуть, расстроился, даже просить начал Левка, чтобы его не прогоняли, но батка стоял на своем.

— Пойдешь на запад, мир посмотришь, себя проявишь, — слегка хмуря брови, подвел черту под высказываниями Митрохи Левко при встрече.

— Да лучше я в поход или в дозор пойду!

— Еще успеешь. Характерником ведь хочешь стать?

Митроха усмехнулся.

— А что, — спросил он погодя, — я там чему-то такому научусь, что характерником стану? Ты ведь меня еще многому не научил. Я бы Орельку помогал врачевать, за ранеными ухаживал бы...

— Пойдешь себе на жизнь зарабатывать. А заодно и делом заниматься начнешь.

— Чем же я буду зарабатывать?

— Помощником кузнеца на время станешь, ковать научишься, а потом пойдешь к корчмарю в помощники.

— К корчмарю?

Как не готов был Митроха воспринимать все, что ему скажут, спокойно, а он удивился.

— К корчмарю-то зачем? Чарки, что ли, к пьяницам носить, мыть и чистить в услужении? Казак я. Служкой не буду.

— А я тебя туда не за тем отправляю, чтобы ты пил или прислуживал. Делом будешь заниматься, а каким, тебе самому предстоит определить. Если разберешься сам и дело сделаешь, когда на Сечь вернешься, расскажем тебе с Орельком все, что знаем и умеем, а также скажем, где и чему еще можно научиться. Сроку тебе — три года на все про все. Если будешь пить, мы тебе —

не батьки. Меня услышал? Что сказал, запомнил?

— Тут забудешь, — хмуря брови и не поднимая очи, заметил Митроха. — Выгоняете меня, что же тут не понять.

— Не выгоняем. А хотим посмотреть, чего ты стоишь. К кузнецу Марьяну пойдешь. Он у Гойды учился. Покажет тебе кое-что.

— Молотом мне что-то махать не хочется. Тяжело и непривычно, — признался Митроха.

— Тебе Марьян еще не то покажет. Понравится так, что уходить не захочется...

Глядел Левко на Митроху и усмехался в усы. Видел он в этом озорном хлопце себя в ранней молодости. Такой же непоседой был, также его все интересовало, также хотел проявить себя и научиться казацкой науке.

Годы прошли. Стал Левко сотником в сотне казацкой разведки, успел повидать свет, но все это сейчас не так и волновало батьку. Отчетливо он понимал для себя одно: его время только лишь подходит. Он только начал узнавать, кем был, зачем в этот мир пришел и что же ему на самом деле следует делать. Знание понемногу, но прорастало в Левке. Орелько многое ему рассказал, но предупредил: с некоторого времени пойдешь дальше по жизни сам. Собирался уходить Орелько по давнему, еще арийскому обычаю. Было тогда батьке восемьдесят девять лет. К нему Митроха и

подошел перед уходом. Бывалый казак взглянул украдкой на Митроху и говорит:

— Что, внучок, пришел попрощаться?

— Так вы же меня с Левком сами к кузнецу отправляете. Я бы остался, да, видно, места мне среди вас нет.

Умел сказать Митроха, когда хотел достичь определенного результата. Он, было, подумал, что Орелько его секрета не разгадал.

— Знаешь, оставайся. Я с Левком поговорю, может, он согласится тебя оставить. Все-таки, как-никак, учил я его когда-то...

— Батька, — обрадовался Митроха, — поговори. Так мне не хочется от вас уходить.

— Тогда уйду я где-то через год...

Орелько смотрел на Митроху, чуть повернув голову и слегка щурясь, как будто ему в глаза светило солнце. На самом деле казак усмехался одними глазами.

— Это еще как и почему? Тебе что, с нами плохо?

— Очень даже хорошо, да и белый свет меня радует...

— Так в чем же дело, живи!

— Чтобы жить, так надобно для чего-то жить... к примеру для того, чтобы передать то, что знаешь, да на успехи учеников посмотреть. Вот ты, если сделаешь то, о чем Левко тебе сказал, то у

меня смысл в жизни новый появится. Ты, пройдя испытание, откроешь двери в новый мир. Тогда я смогу тебе и Левку еще многое рассказать...

— А если не пройду?

В ответ Орелько только лишь развел руками и спросил:

— А почему ты не должен его пройти? Ты ничем не обделен, многому научился.

— И сколько же, если я испытание пройду, ты еще проживешь?

Орелько еще больше прищурился, потом нахмурился и сообщил:

— Можно постараться в силе и до ста лет дожить, да на вас глядя, радоваться...

— Понял тебя. Жди меня через три-четыре года. Я сделаю то, что Левко поручил.

— Ты, внучок, воды набери, да с ней сюда приходи. Ждать тебя буду. Сказать мне тебе кое-что надо.

Когда Митроха вернулся с водой, Орелько все также сидел в тени невысокого дуба, ожидая его. Перед ним на развернутом куске материи стояла чарка. Митроха, глядя на батьку, остановился, предчувствуя что-то необычное.

— Что стал, как будто в землю вкопался. Ближе подойди и сядь напротив меня.

Митроха сразу же исполнил то, что батька говорил. А он, глядя куда-то чуть мимо Митрохи,

продолжил рассказ.

— Воду в чарку налей.

Митроха до краев наполнил емкость, глядя, как лучик солнца, пробившийся сквозь листву, случайно попав на воду, насыщает ее солнечным светом.

— Горилка — враг казака, — неожиданно молвил Орелько. — Скольких сгубила — то неведомо, но точно можно было десятки местечек заселить...

— Я пить не буду, не тех кровей, — сразу же выразил свое отношение к горилке Митроха.

— Так все говорят, пока с горилкой не встречаются. Она хуже, чем коварная женщина, от которой никак отвязаться нельзя, коли связался.

— А что, женщина — это плохо?

— Это нехорошо и неплохо. Вопрос в том, с кем ты свою судьбу свяжешь и как себя с женщиной вести будешь. Женщина может спину прикрыть, а может и связать незримыми путами, тогда ты будешь только лишь своей тенью...

— Тенью быть не хочу, — подумав, ответил Митроха. — Я в войске, ему почет и уважение пока еще не отдал. Вот после сорока пяти лет и женюсь...

— А ты не зарекайся. Кто знает, как у тебя в жизни сложится. Это ведь от тебя зависит. Мы с Левком только лишь направить тебя можем.

— Если я вернусь и задание выполню, мне расскажешь о том, как сделать так, чтобы тебя женщина не связала?

— Поделюсь тем, что знаю, — пообещал Орелько.

— У тебя сыновья есть?

— Левко — мой сын, да Сафрон, да Яким Мамалыга.

— А родные? Что-то я их никогда возле тебя не видел.

Орелько вздохнул, а потом поведал Митрохе:

— Двоих сынов я уже пережил. Полегли на поле, а еще один меня знать не хочет. Дочери есть, но они далеко и отца, скорее всего, не вспоминают, не знают, жив ли я или нет. Семьи у них. Иногда к ним во сне прихожу, чем могу, помогаю. Так лучше. Сюда им не добраться, а мне не очень и хочется к ним являться...

— Знаешь, где дочери живут?

— Знаю и где сын обитает. Ты сейчас воду выпьешь, и горилку пить не будешь, — внезапно перевел беседу на иную тему Орелько.

Батяка поднес руку к чарке. Ладонь замерла над ней. Солнечный луч уперся в шершавую казацкую ладонь с тыльной стороны. Орелько слегка прикрыл на несколько секунд глаза, а когда открыл их, в глазах характерника Митроха прочитал радость и силу. Ясность взора казацкого

батьки поразила его.

— Ты видишь будущее? — неожиданно сам для себя спросил Митроха.

— Но оно не радует меня. Надо иметь силу, чтобы смотреть более темные и трудные времена для земли, где сейчас проживаешь. Когда-то, когда я был чуть старше тебя, я мечтал об этом, теперь же я стараюсь не по делу не заглядывать вперед...

— Почему?

— Когда то, что ты видишь, не согласуется с тем, что есть у тебя внутри, становится грустно и больно от того, что ты ничего не можешь сделать, чтобы отворотить темные времена. Нет радости в том, что видеть, как свободных людей делают холопами и крепостными, рачительные хозяева превращаются в рабов, а гнет становится все сильнее... Если справишься с заданием, у тебя будет возможность также взглянуть как вперед, так и назад в прошлое.

Орелько замолчал. Митроха также не проронил ни слова. Тишину нарушил тихий, но полный силы голос Орелька:

— Пей, казаче. Последняя горилка в твоей жизни. Больше, чем усы обмочить слегка, выпить не сможешь.

— Так залпом и опрокинуть?

— Нет, пей размеренно и со вкусом Днепровскую воду. Поспать тебе после придется...